

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.81(470.12)''18/19''

Организация воспитания несовершеннолетних правонарушителей в Вологодском исправительном приюте (кон. XIX – нач. XX вв.)

Л.И. БЕЛЯЕВА – профессор кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

В статье на основе архивных и других материалов анализируется опыт организации воспитания несовершеннолетних правонарушителей в Вологодском исправительном ремесленном приюте для несовершеннолетних мужского пола, основанном в 1886 г., роль и место данного приюта в системе исправительных учреждений для несовершеннолетних в России кон. XIX – нач. XX вв.

Ключевые слова: Вологодский исправительный ремесленный приют для несовершеннолетних мужского пола; несовершеннолетние правонарушители; исправление; перевоспитание; социальная адаптация.

Organization of education juvenile offenders in the Vologda correctional asylum (late XIX – beginning of XX centuries)

L.I. BELYAEVA – Professor of the Department of Criminal Policy and Crime Prevention of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

On the basis of archival and other materials is analyzed experience of education of juvenile offenders in the Vologda correctional handicrafts shelter for male minors, founded in 1886, the role of shelter in the prison system for juveniles in Russia in XIX – XX centuries.

Key words: Vologda Correctional craft shelter for male minors; juvenile offenders; correction; reeducation; social adaptation.

Специальные заведения для несовершеннолетних правонарушителей в России стали появляться в ходе судебных реформ в соответствии с законом 1866 г. «Об исправительных приютах»¹.

Мысль об учреждении в Вологде приюта для исправления детей-правонарушителей возникла в конце 70-х гг. XIX в. М.М. Кониар настойчиво проводил ее в жизнь своими письмами, которые публиковались в «Губернских ведомостях»².

К 1877 г. было сформировано общество с целью «содействия предупреждению преступности исправлением несовершеннолетних преступников и попечением о детях, стоящих на краю порока и преступления», а 30 января 1878 г. был утвержден его устав. Учредителем и председателем Вологодского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов (далее – Общество) стал вице-губернатор Модест Маврикиевич Кониар, заместителем председателя (позд-

нее председателем) – вице-губернатор А.П. Лаппа-Старженецкий³. Со временем в состав Общества вошли известные не только в губернии люди: М.Н. Галкин-Враской – начальник Главного тюремного управления, В.А. Касаткин – губернский предводитель дворянства, П.В. Муравьев – прокурор Московской судебной палаты и др.⁴

Намеченная цель долго оставалась недостижимой из-за недостаточного финансирования. В 1885 г. был приобретен в собственность участок земли с домом, и после ремонта 25 марта 1886 г. был открыт приют на 20 мест⁵. Позднее количество мест увеличилось до 50. Документы, имеющиеся в нашем распоряжении, не позволяют с точностью назвать место, где находился приют. По сведениям косвенного характера можно предположить, что он располагался в самой Вологде, в 1-м ее участке. Идентифицировать его на данный момент не удалось.

Подготовка к открытию приюта шла трудно, власти не торопились поддерживать инициативу общественности. Члены Общества, готовясь к открытию, ознакомились с жизнью и деятельностью Ярославского приюта, изучили уставы Санкт-Петербургского, Саратовского, Казанского, Киевского, Нижегородского приютов.

Во главе Вологодского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов стоял совет, который имел своим назначением ведение текущих дел и управление исправительным заведением.

Управление делами приюта осуществлялось путем выработки необходимых инструкций общего характера, подбора кандидатур на имеющиеся должности, контроля за его деятельностью. Члены Общества посещали приют, изучали постановку дела в нем, осуществляли различного рода проверки, готовили отчеты, выделяли материальные средства и пр.

Об отчетах следует сказать особо. Эти документы составлялись ежегодно, обсуждались на заседаниях губернского земского собрания и публиковались в «Журналах губернского собрания», «Губернских ведомостях» и др. Таким образом, общественность информировалась о наличии и расходовании средств, условиях содержания воспитанников, их занятиях, поведении, здоровье, санитарном состоянии приюта. Несмотря на некоторую схематичность и сухость, отчеты содержат много интересных сведений о служащих, воспитанниках, их жизни после приюта и пр. Приют был открыт для посещения как членами Общества, так

и любым желающим ознакомиться с его работой.

Непосредственное управление приютом осуществлял смотритель. Он являлся главным лицом в приюте, на нем лежала ответственность за порядок и благополучие. Обязанности смотрителя излагались в п. 6 устава приюта⁶ и особой инструкции. Специальными инструкциями обеспечивались все служащие приюта, включая сторожа.

В течение многих лет смотрителем был Николай Александрович Иконников, который заложил основы педагогической системы воспитания несовершеннолетних правонарушителей в Вологодском исправительно-ремесленном приюте для несовершеннолетних мужского пола. Николая Александровича нельзя назвать выдающимся педагогом, но он был тем надежным, знающим и преданным делу человеком, от которого во многом и зависел успех. Из немногочисленных чудом сохранившихся архивных документов узнаем, что он родился в 1851 г. в семье обер-офицера. Образование получил в Москве в техническом училище, которое по болезни не было окончено. Позднее выдержал экзамен на звание учителя приходского училища. С 30 ноября 1873 г. в Фитиньинском училище Вологодского уезда началась его педагогическая деятельность, где до 1 марта 1886 г. он состоял учителем. Судя по отзывам, Николай Александрович был одним из лучших. Училищный совет характеризовал его как человека безукоризненной нравственности, отличавшегося опытностью и особенным усердием в исполнении своих обязанностей, он никогда не был замечен в проступках или склонности в политической неблагонадежности. За свои труды Н.А. Иконников в 1877 г. был награжден Серебряной медалью «За усердие» на Александровской ленте для ношения в петлице. Именно на этого человека обратил внимание совет Общества, когда необходимо было выбрать руководителя приюта. С 1 марта 1886 г. началась его служба в приюте⁷. Здесь же экономкой служила и его жена Ираида Александровна.

Первоначально в соответствии с п. 1 устава в приют принимались для исправления: а) несовершеннолетние преступники, осужденные к заключению в нем судебными учреждениями Вологодской губернии; б) несовершеннолетние нищие и бродяги испорченной нравственности, отдаваемые по распоряжению Вологодской губернской администрации.

Практика деятельности исправительных приютов убеждала в необходимости ограждения от развращающего влияния тюрьмы не только детей, представших перед судом, но и тех, кто находится под следствием. Закон от 08.02.1893 г. «Об изменении порядка заключения и пересылки несовершеннолетних, состоящих под следствием и судом»⁸ предусматривал помещение этих детей в приюты.

В Вологодском приюте принятие подследственных несовершеннолетних, не достигших 16-летнего возраста, предполагалось с 1897 г.⁹

Изучение архивных документов показывает, что в приюте чутко улавливали новые гуманистические идеи, касающиеся воспитания несовершеннолетних правонарушителей, стремились к воплощению на практике законодательных предписаний.

Заслуживает внимания одно важное обстоятельство. После открытия приюта несовершеннолетние правонарушители доставлялись сюда этапным порядком, как отмечается в архивных документах, в обществе с закоренелыми преступниками. Принимая это во внимание, совет Общества обратился к начальнику губернии с просьбой оказать содействие в отмене такого способа доставки в приют и при освобождении – в родные места. Данная просьба была удовлетворена. Было разрешено бесплатно препровождать воспитанников на земских лошадях. Кроме того, полицейским управлениям предписывалось назначать для сопровождения воспитанников благонадежных сотских или десятских, а в тюрьмах запрещалось малолетних преступников содержать совместно с совершеннолетними¹⁰.

Очевидно, что это решение находится в рамках вышеуказанного закона, но тем не менее следует отметить энергичность, проявленную приютом в этом вопросе. Несмотря на общие требования, далеко не все смогли их выполнить.

Впоследствии в документах отмечается, что отделение несовершеннолетних от взрослых преступников, доставление в приют вне этапа облегчало приучение к порядку¹¹.

Главными средствами исправления воспитанников приюта в соответствии с п. 11 устава являлись: личное влияние смотрителя и служащих на нравственность питомцев, элементарное образование, практико-ремесленное образование и труд, правильная жизнь в приюте. На первом месте в созданной системе воспитания стоя-

ло религиозно-нравственное воспитание, включавшее в себя не только религиозное воспитание, но и художественное, эстетическое, музыкальное развитие. В приюте соборной церкви не имелось, поэтому дети посещали близлежащую, а в канун праздников служба организовывалась в самом приюте. Дети пели в церковном хоре. По косвенным сведениям, ближайшей к приюту была церковь, располагавшаяся в Свято-Духовом монастыре¹².

Элементарное образование включало: изучение Закона Божия; чтение, письмо, черчение и рисование; основные правила арифметики; начальные сведения по естествознанию, истории и географии России; церковное пение. Занятия с детьми вел сам Николай Александрович. Как свидетельствуют данные отчетов, дети успешно проходили аттестацию, которую проводил педагогический совет приюта. Как отмечал сам Н.А. Иконников, «почти все порочные дети, являясь в приют неграмотными, возвращались домой со свидетельством об окончании курса наук народного училища и аттестатами. А на малосрочных и малоуспешных к грамоте обращалось с моей стороны внимание, чтобы они выучились ремеслу. И большое их число получили свидетельства на звание подмастерья из Ремесленной управы»¹³.

В системе воспитания важное место занимали профессиональное (ремесленное) обучение и труд. Дети обучались ремеслам, которые могли обеспечить в будущем средствами к существованию: столярному, сапожному, переплетному, токарному, портновскому делу и др. Судя по документам, в освоении ремесел имелись определенные успехи. В мастерских приюта выполнялись заказы на изготовление обуви для различных учреждений, мебели для больницы, губернского земства, училищ¹⁴. Кроме этого, воспитанники занимались огородничеством, конечно, по преимуществу в весенне-летнее время. Дети под руководством взрослых чистили сад и устраивали в нем дорожки и площадки, строили кладовые для продуктов, убирали сгнившие бревна, чистили пруды и канавы, настилали мостки, сажали деревья и цветы, делали клумбы, косили траву, сушили и убирали сено, садили овощи и убирали их. Овощами воспитанники обеспечивали себя, а излишки продавали¹⁵.

В приюте были две коровы, за которыми ухаживал опытный воспитанник, двое ему помогали. Воспитанники приюта выполняли все работы по самообслуживанию.

Большая часть времени посвящалась работе в мастерских, классным занятиям в соответствии с п. 15 устава уделялось «столько времени, сколько необходимо для элементарного обучения, но не менее двух часов в день». Правильнее, вероятно, было бы сказать, что на классные занятия отводилось времени столько, сколько оставалось. На игры и отдых детям давался один час в день¹⁶.

Вся жизнь в приюте строилась в соответствии с распорядком дня, который составлялся смотрителем обычно на летний и зимний периоды, поскольку в приюте выполнялись и ремесленные, и сельскохозяйственные работы.

Одним из требований режима был неустанный контроль за воспитанниками днем и ночью. Эту обязанность выполняли все служащие, но в особенности «дядьки».

Жизнь смотрителя была неразрывно связана с жизнью детей: он вместе с ними вставал в 6 часов утра и находился в приюте до 9 часов вечера¹⁷. Своих детей у Иконниковых не было, приютские дети, по существу, стали их семьей.

Выполнение распорядка было обязательным как для воспитанников, так и для служащих.

Одним из серьезных вопросов был санитарный контроль и медицинское обслуживание воспитанников. Судя по документам, в приюте этому уделялось должное внимание, что позволяло не допускать заболеваний детей даже в периоды эпидемий¹⁸.

Важным средством воздействия на несовершеннолетних считалась система наказаний и поощрений. Детям, провинившимся в чем-либо, смотритель мог объявить выговор наедине или в присутствии воспитанников приюта, мог не допустить их к участию в играх, подвергнуть наряду на дежурство или черные работы вне очереди. Самым строгим взысканием было заключение в карцер на срок не свыше семи суток, которое могло быть соединено с ограничением пищи. Применялись здесь и телесные наказания, которые, как впрочем и заключение в карцер, лишение пищи, не вызывали единодушного одобрения общественности.

Следует отметить, что система наказаний, которая применялась в приюте, не являлась исключительной и соответствовала своему времени. Как свидетельствуют документы, наиболее распространенными нарушениями были непослушание, упрямство, уклонение от работ, грубость, курение и нарушение порядка (драки)¹⁹. При этом коли-

чество допущенных проступков в несколько раз превышало количество лиц, наказанных за это. Это говорит о том, что грубые нарушения допускали одни и те же воспитанники.

За успехи в работе и учебе, поведении несовершеннолетние поощрялись следующим образом: им объявлялась благодарность перед всеми воспитанниками, в великие праздники разрешалось присутствие при торжественных богослужениях в кафедральном соборе и у Всемилоостивого Спаса, они освобождались от грязных работ, получали более значительные подарки и отпуск к родственникам. Главным поощрением являлось условно-досрочное освобождение из приюта, которое было предусмотрено законом 1866 г.

В целом система воспитания в Вологодском приюте была подобной той, что существовала во многих исправительных учреждениях того времени. Однако воплощалась в жизнь она по-разному. Различными были и результаты. Вологодский приют отличался тем, что рецидив у воспитанников был самым низким – 6,1% (для сравнения: Ярославский приют – 23,5%, Варшавская-Студзенецкая колония – 18,8%, Киевская колония – 18,3%, Рукавишниковский приют – 18%)²⁰. Это объясняется тем, что большое внимание уделялось устройству воспитанников, вышедших из приюта, контролю за их поведением.

Параграфы 5 устава Общества и 22 устава приюта предусматривали, что воспитанники, вышедшие из приюта, состоят под покровительством приюта и Общества до достижения 21 года.

В приюте сложились свои правила работы с выбывающими воспитанниками. Каждому из них при освобождении выдавались инструменты по полученному ремеслу (сапожные, столярные и др.), Евангелие, молитвенник, одежда, обувь, книги, средства на дорогу к дому²¹.

Для того чтобы иметь сведения о поведении выбывших воспитанников, совет Общества обратился к Первосвященному Израилю Епископу Вологодскому и Устюгскому за содействием в этом деле через посредство местных священников. Его Преосвященство рекомендовал священникам принять под свое наблюдение выбывших из приюта и проживающих в приходах, а также сообщать сведения о результатах наблюдения в приют. Соответственно этому распоряжению настоятели приходских церквей осуществляли наблюдение за выбывшими из приюта до достижения ими 21 года. Настоятели ежегодно составляли карты о поведении

бывших воспитанников и представляли их в приют²². В отчетных документах имелся специальный раздел, в котором приводились сведения о жизни бывших воспитанников²³.

Опыт приюта перенимали другие подобные заведения. Так, в 1892 г. Вологодский приют посетил прокурор Житомирского окружного суда, чтобы научиться делу исправления малолетних, и желал бы, чтобы будущий Волынский приют был такой же прекрасный, как и Вологодский²⁴. Документы свидетельствуют, что это удалось. В 1901 г. Волынское заведение в Житомире посетил известный педагог И.М. Радецкий, который отметил, что и в санитарном, и в педагогическом отношении оно принадлежит к разряду лучших²⁵.

Приют посещали и контролирующие лица: начальник Главного тюремного управления М.Н. Галкин-Враской²⁶, прокурор Московской судебной палаты Н.В. Муравьев²⁷, которые положительно оценивали деятельность приюта.

В Вологодском приюте были воплощены в жизнь многие из педагогических требований, положенных в России в основу исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей: педагогический оптимизм; опора на положительные качества личности; участие детей в своем воспитании через систему самоуправления; активное использование доверия в работе с подростками; необходимость высокоорганизованного умственного и нравственного развития воспитанников; воздействие на них посредством общественно полезного и производительного труда; ведущее влияние личности воспитателя, ее главная роль в работе с несовершеннолетними; необходимость организованной социальной адаптации вышедших из заведений; обязательность выведения подследственных несовершеннолетних из тюрем; исключение доставки несовершеннолетних этапом и многие другие.

Успехи в работе Н.А. Иконникова были несомненны: в 1891 г. он награжден Серебряной шейной медалью «За усердие» на Станиславской ленте, в 1899 г. – Золотой шейной медалью на Станиславской ленте, в 1904 г. – Золотой шейной медалью на Аннинской ленте²⁸.

Служба в приюте стала всей жизнью педагога. За весь период работы он ни разу не был в отпуске, не желая оставлять детей без своего внимания.

В течение более 20 лет приют существовал в целом стабильно, без «взрывов» и

потрясений. Как отмечалось в документах, «кроткое, гуманное, чисто семейное, соединенное с справедливой строгостью, отеческое отношение к воспитанникам, бдительный, предупреждающий самую возможность преступления надзор за ними, здоровое и обильное питание, полезные игры и развлечения в часы отдыха, руководимые воспитателем, – все эти проверенные многолетним опытом воспитательные приемы, примененные в деле перевоспитания и ныне, оказали благотворное влияние на воспитанников»²⁹.

Горько сознавать, что дальнейшая жизнь Н.А. Иконникова не была благополучной. В 1910 г. он в связи с болезнью покинул дорогое ему заведение.

По правилам тех лет смотритель имел квартиру там же, в приюте. После ухода из него квартиру следовало освободить. В те времена служба в исправительных заведениях не являлась государственной, а потому не давала права на жалование и пенсионное обеспечение³⁰. Этот вопрос обсуждался в течение длительного времени, но разрешения так и не получил. Д.А. Дриль, активный участник разработки вопросов исправительного воспитания, отмечал: «Отчего бегут директора и воспитатели? Оттого, что у них является гнетущая мысль, что когда впоследствии они израсходуют силы и когда не будет этих сил, они не в состоянии будут перейти на какое-либо поприще»³¹.

Именно это и произошло с Н.А. Иконниковым. Он оказался без средств к существованию. Вологодский губернатор на основании общего собрания Вологодского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов обратился в Министерство юстиции с ходатайством о назначении пенсии Н.А. Иконникову за долголетнюю и полезную службу обществу³². Почти год решался этот вопрос, но в назначении пенсии бывшему смотрителю было отказано.

Оказавшись в столь затруднительном положении, Николай Александрович обратился с ходатайством о единовременном пособии к Главному тюремному управлению. В письме он отмечает: «Квартиру для себя с женою я снял, но переехать и жить до пенсии положительно не на что. Все свое жалованье за малым исключением отдавал на улучшение пищи питомцам. Одежды, как у меня, так и у жены, лишней нет, а драгоценных вещей и не бывало»³³.

Никаких сведений о том, был ли он услышан, не найдено. Нет сведений и о том, где и как был окончен земной путь этого бес-

корыстного и доброго человека. С полной уверенностью можно сказать лишь о том, что Н.А. Иконников внес свой вклад в формирование и развитие не только системы

воспитания в Вологодском исправительном приюте, но и в целом отечественной школы исправления несовершеннолетних правонарушителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2-е. 1866. № 43949. СПб., 1868.

² См.: Вологодское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов. Первый годовой отчет Вологодского общества... за 1878–1879 гг. Вологда, 1879. С. 6.

³ См.: Там же. С. 3–4.

⁴ См.: Государственный архив Вологодской области (ГА ВО). Ф. 475. Оп. 1. Ед. хр. 108.

⁵ См.: Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов в Вологде // Детская помощь. 1887. № 8. С. 257–258.

⁶ См.: Устав Вологодского исправительно-ремесленного приюта для несовершеннолетних мужского пола. Вологда, 1896.

⁷ См.: ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 1–1об.

⁸ См.: Полное собрание законов Российской Империи. 1893. № 9316.

⁹ См.: Вологодское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1897 г. Вологда, 1898. С. 4.

¹⁰ См.: Краткий отчет Вологодского общества... за первое полугодие 1887 г. Вологда, 1888. С. 8.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: Десятый отчет Вологодского общества... за 1883 г. Вологда, 1884. С. 16.

¹³ ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 4об.–5.

¹⁴ См., напр.: Отчет совета Вологодского общества... за 1888 г. Вологда, 1889. С. 35–36.

¹⁵ См.: Отчет совета Вологодского общества... за 1893 г. Вологда, 1894. С. 20.

¹⁶ См.: Краткий отчет Вологодского общества... за первое полугодие 1887 г. Вологда, 1888. С. 6.

¹⁷ См.: ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 5.

¹⁸ См.: Девятый отчет Вологодского Общества... за 1892 г. Вологда, 1893. С. 30–32; Одиннадцатый отчет... за 1894 г. Вологда, 1895. С. 8–9 и др.

¹⁹ См., напр.: Отчет совета Вологодского общества... за 1896 г. Вологда, 1897. С. 13.

²⁰ См.: Труды четвертого съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. М., 1896. С. 109.

²¹ См., напр.: Вологодское общество... Отчет за 1886 г. Вологда, 1887. С. 7.

²² См.: Тюремный вестник. 1896. № 9. С. 496.

²³ См.: ГА ВО. Ф. 879. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

²⁴ См.: Отчет совета Вологодского общества... за 1892 г. Вологда, 1893. С. 53.

²⁵ См.: Тюремный вестник. 1902. № 1. С. 112.

²⁶ См.: Краткий отчет Вологодского общества... за 1-е полугодие 1887 г. Вологда, 1888. С. 9.

²⁷ См.: ГА ВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 517. Л. 118об.

²⁸ См.: Доклад № 60 с отчетом Вологодского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1895 г. // Журнал губернского земского собрания третьей очередной сессии девятого трехлетия. 1897. С. 231; ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 1об.

²⁹ Отчет Вологодского общества... за 1901 г. Вологда, 1902. С. 8.

³⁰ См.: Дриль Д. Наши исправительно-воспитательные заведения и вопросы исправительного воспитания // Журнал министерства юстиции. 1898. № 9. С. 102.

³¹ Труды седьмого съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. М., 1909. С. 300.

³² См.: ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 1–1об.

³³ Там же. Л. 5об.

¹ См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2-е. 1866. № 43949. СПб., 1868.

² См.: Вологодское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов. Первый годовой отчет Вологодского общества... за 1878–1879 гг. Вологда, 1879. С. 6.

³ См.: Там же. С. 3–4.

⁴ См.: Государственный архив Вологодской области (ГА ВО). Ф. 475. Оп. 1. Ед. хр. 108.

⁵ См.: Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов в Вологде // Детская помощь. 1887. № 8. С. 257–258.

⁶ См.: Устав Вологодского исправительно-ремесленного приюта для несовершеннолетних мужского пола. Вологда, 1896.

⁷ См.: ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 1–1об.

⁸ См.: Полное собрание законов Российской Империи. 1893. № 9316.

⁹ См.: Вологодское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1897 г. Вологда, 1898. С. 4.

¹⁰ См.: Краткий отчет Вологодского общества... за первое полугодие 1887 г. Вологда, 1888. С. 8.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: Десятый отчет Вологодского общества... за 1883 г. Вологда, 1884. С. 16.

¹³ ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 4об.–5.

¹⁴ См., напр.: Отчет совета Вологодского общества... за 1888 г. Вологда, 1889. С. 35–36.

¹⁵ См.: Отчет совета Вологодского общества... за 1893 г. Вологда, 1894. С. 20.

¹⁶ См.: Краткий отчет Вологодского общества... за первое полугодие 1887 г. Вологда, 1888. С. 6.

¹⁷ См.: ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 5.

¹⁸ См.: Девятый отчет Вологодского Общества... за 1892 г. Вологда, 1893. С. 30–32; Одиннадцатый отчет... за 1894 г. Вологда, 1895. С. 8–9 и др.

¹⁹ См., напр.: Отчет совета Вологодского общества... за 1896 г. Вологда, 1897. С. 13.

²⁰ См.: Труды четвертого съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. М., 1896. С. 109.

²¹ См., напр.: Вологодское общество... Отчет за 1886 г. Вологда, 1887. С. 7.

²² См.: Тюремный вестник. 1896. № 9. С. 496.

²³ См.: ГА ВО. Ф. 879. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

²⁴ См.: Отчет совета Вологодского общества... за 1892 г. Вологда, 1893. С. 53.

²⁵ См.: Тюремный вестник. 1902. № 1. С. 112.

²⁶ См.: Краткий отчет Вологодского общества... за 1-е полугодие 1887 г. Вологда, 1888. С. 9.

²⁷ См.: ГА ВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 517. Л. 118об.

²⁸ См.: Доклад № 60 с отчетом Вологодского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1895 г. // Журнал губернского земского собрания трет'ей очередной сессии девятого трехлетия. 1897. С. 231; ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 1об.

²⁹ Отчет Вологодского общества... за 1901 г. Вологда, 1902. С. 8.

³⁰ См.: Дриль Д. Наши исправительно-воспитательные заведения и вопросы исправительного воспитания // Журнал министерства юстиции. 1898. № 9. С. 102.

³¹ Труды седьмого съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. М., 1909. С. 300.

³² См.: ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 1–1об.

³³ Там же. Л. 5об.